

его  
*любимый*  
страх

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

АРИНА ВИНЧЕСТЕР

18+

# Арина Винчестер

## Его любимый страх

*<https://litres.ru/74106019>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Дэмиан Стерлинг всегда контролировал свою жизнь.

Пока внутри него не появилось нечто, что невозможно объяснить.

Его разум остаётся ясным. Решения — безупречными. Но всё чаще возникает вопрос: кто именно их принимает.

Кэтрин Эштон замечает перемены первой. Пытаясь понять, что происходит с Дэмианом, она сталкивается с пугающей правдой: неизвестная сила не захватила его — она словно всегда была частью него.

И теперь главный вопрос не в том, как это остановить.

А в том, где заканчивается человек, если он никогда не был полностью собой.

# Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	4
ПРОЛОГ	8
1 Глава. Он уже был здесь	10
2 Глава. Сдвиг	34
3 Глава. Ты снова опоздала	62
Конец ознакомительного фрагмента.	84

# Арина Винчестер

## Его любимый страх

### СОДЕРЖАНИЕ

#### Охотница

Её не называют по имени. Имя — это для живых. Для тех, кого можно запомнить и потерять. Она — не из таких. Она не появляется. **Она находит.** След всегда ведёт к ней, даже если она идёт не по следу. Охотница не верит в случайности. Если кто-то исчез — значит, **его уже нашли раньше неё.** И это всегда раздражает. Она не спасает. Не потому что не может — потому что не считает это частью задачи. Говорят, у неё нет страха. Это неправда. Страх есть. Просто он не мешает ей идти дальше. Она входит туда, куда не входит полиция. Не потому что смелая. А потому что **знает, что там правда заканчивается раньше, чем начинается закон.** Её оружие не главное. Главное — то, что она всегда остаётся последней, кто уходит. И обычно — уже одна. Среди тех, кто её видел, есть два типа людей:

— те, кто больше не говорит

— и те, кто больше не сомневается

Иногда говорят, что она преследует чудовищ. Но те, кто выжил, уточняют: она не преследует чудовищ. Она просто

приходит туда, где они уже решили остаться. И если кто-то всё же решается произнести её имя вслух, ответ обычно один: тишина.

## **Носитель**

Его тоже не называют по имени. Имя — это для тех, кто принадлежит самому себе. Он — нет. Он не приходит. **Он занимает место.** И после этого место уже не принадлежит никому другому. Когда он говорит — это звучит так, будто мысль уже была сказана раньше, просто ты её не успел услышать. Он не спорит. Споры предполагают равных. Он просто **решает**, что будет дальше. Говорят, у него нет эмоций. Это ошибка. Эмоции есть. Просто они не управляют им. Внутри него — не человек. И даже не пустота. А нечто, что научилось **выглядеть как человек достаточно долго, чтобы ему поверили.** Он может улыбнуться.

И это хуже, чем если бы он этого не делал. Потому что улыбка у него — не реакция.

Это инструмент. Он не любит. Он **привязывает реальность к себе.** И всё, что оказывается рядом слишком долго, начинает считать его нормой. Те, кто видел его настоящим, не описывают это одинаково. Но смысл всегда один: это не существо, которое живёт в мире

это мир, который временно разрешили ему использовать. И если Охотница идёт за чудовищами, то Носитель — это причина, почему они вообще существуют достаточно долго, чтобы их можно было искать.

## **ПЛЕЙЛИСТ**

Control (Audio) — Halsey

Can You Feel My Heart — Bring Me The Horizon

Pursuit x Your Share Of...(live - official visualizer)—

Gesaffelstein

Do I Wanna Know? — Arctic Monkeys

Viol — Gesaffelstein

HATE OR GLORY —Gesaffelstein

It's just a burning memory —A1

Heresy part 1 — Lustmord

Come To Daddy (Director's Cut) — Aphex Twin

Oxygen — Swans

"The Becoming (Still)" 2..irected by Rob Sheridan —

Nine Inch Nails

Closer (Director's Cut) — Nine Inch Nails

The DOOM Hunter (DO...- Gamerip) [REUPLOAD] —

Mick Gordon

Artwork/Packaging Teaser —NIN:Hesitation Marks

Roller Mobster — Carpenter Brut

## **ВАЖНО:**

Книга обрывается на неожиданном месте. Ее содержание носит очень мрачный характер и включает пугающие моменты, такие как насилие и совершение сексуальных и/или эротических действий между главными героями без наличия явного согласия, графическое насилие, убийства, преследо-

вание и откровенные сексуальные сцены. Кроме того, в романе присутствуют такие специфические кинки, как игра с оружием, сомнофилия, связывание и унижение.

Если ваша психика нестабильна или вы чувствительны к подобному контенту — не читайте и не вовлекайтесь в эту книгу.

Автор не романтизирует происходящее и не несёт ответственности за ваши триггеры.

Если вы начали читать — вы делаете это осознанно и берёте ответственность на себя.

Ваше психическое здоровье важно.

*Добро пожаловать на представление.*

*Надеюсь, вас не выберут следующим.*

# ПРОЛОГ

Есть вещи, которым просто не место среди людей.

Но реальность не терпит пустоты и никогда не просит разрешения. Она покорно прогибается, впуская в себя то, что не имеет права дышать, ходить и отбрасывать тень. То, что не подчиняется ни законам времени, ни хрупкой логике человеческого тела.

Дэмиан Стерлинг был убит двадцатого сентября 2026 года.

Это факт. Остановленное сердце. Тяжелая, липкая кровь, вьезшаяся в паркет. Сухие строчки медицинского заключения. Факты обычно успокаивают — им доверяют. Их аккуратно вписывают в протоколы, прячут в пластиковые папки и с облегчением выдыхают, считая, что история закончена. Точка опоры найдена.

Но есть одна проблема. Иногда протокол фиксирует не конец, а начало системной ошибки.

После смерти тело Дэмиана не исчезло. Оно не обратилось в прах. Оно осталось. И, что гораздо хуже, — оно *поднялось*. Но внутри этой оболочки осталось не только то, что когда-то называли человеком. Там поселилась пустота, которая слишком быстро научилась имитировать жизнь.

Кэтрин Эштон была одной из немногих, кто заметил эту подмену сразу. Не потому, что была умнее или проницатель-

нее остальных. Просто она имела неосторожность смотреть слишком внимательно. Замечать микроскопическую, почти незаметную задержку перед тем, как он моргал. Слышать неестественно ровный, идеально выверенный ритм его дыхания. Видеть мертвую симметрию в его улыбке.

Иногда внимательность — это не дар. Это смертный приговор.

С того дня всё стало пугающе просто и невыносимо жутко. Потому что если ты хотя бы на секунду допускаешь, что мертвец может продолжать ходить на работу, пить кофе и жать руки знакомым... правила игры меняются.

Ты больше не ищешь того, кто нажал на курок или нанес удар. Ты смотришь на знакомое лицо, чувствуешь, как по спине ползет ледяной холод, и задаешь себе совсем другой вопрос.

**Не «за что его убили?».**

**А «кто прямо сейчас использует его плоть?».**

И ответ на этот вопрос — это то, о чем живым лучше никогда не знать.

# 1 Глава. Он уже был здесь

Утро наступило, но свет казался грязным от смога. Город гудел. Тысячи машин стояли в пробках на эстакадах. Пешеходы шли плотной толпой по серому бетону, глядя только себе под ноги. Гул сирен сливался с шумом вентиляционных шахт. Огромный механизм продолжал работать. Ему было плевать на то, что лежало в узком переулке между двумя кирпичными стенами.

Люди проходили мимо. Это пугало больше всего.

Кэтрин Эштон стояла в центре полицейского оцепления. Черная шариковая ручка царапала бумагу. Вверх. Вниз. Цифры, время, координаты. Она не моргала. Движения кисти были жесткими. Вокруг суетились криминалисты, вспыхивали камеры, но Кэтрин их не замечала. Только она и сухие факты.

— Эштон.

Голос шерифа прозвучал хрипло. Он стоял в двух шагах, но его слова с трудом пробивались сквозь шум улицы.

— Третий труп за месяц. Тот же почерк.

Он ждал ответа. Кэтрин не подняла головы. Ручка продолжала царапать лист.

— Ты вообще здесь? — Шериф шагнул ближе. Его ботинок хрустнул по битому стеклу.

Ручка замерла. Кэтрин медленно подняла глаза. Взгляд

был пустым.

— Я записываю, — ровно ответила она и снова уставилась в блокнот.

Шериф тяжело выдохнул. От него пахло дешевым кофе и кислым потом. Он махнул рукой в сторону желтой ленты.

— Иди и смотри. Хватит прятаться за бумажками.

Кэтрин заставила себя сделать шаг. Потом еще один.

Труп лежал у мусорных баков. Точнее, то, что от него осталось. Суставы были вывернуты под неестественными углами. Ноги сломаны в коленях и закинута за спину. Лицо превратилось в сплошное месиво из порванных мышц и раздробленных костей. Запах мочи, меди и сырого мяса бил в ноздри. Желтый жир блестел в свете фонариков.

Она смотрела на это. Смотрела долго. Искала систему, зацепку, логику в этой анатомической жестокости.

Затем она опустила взгляд на свой блокнот, чтобы внести новую запись.

Пальцы внезапно онемели. Дыхание перехватило.

На белом листе не было текста. Не было координат.

Там был рисунок.

Чернила глубоко продавили бумагу. Местами острие ручки прорвало лист насквозь. Грубые, резкие штрихи складывались в лицо. Широкая, разорванная улыбка от уха до уха. Глубокие черные провалы вместо глаз. Круглый нос. Гротескный воротник.

Клоун.

Но страшно было другое. Детали. Она прорисовала каждую трещину на его толстом слое грима. Она нарисовала крошечное отражение в его пустых глазах — маленькую женскую фигуру. Свою фигуру.

Она нарисовала это сама. Прямо сейчас. Пока стояла здесь.

И она совершенно этого не помнила.

Холодный пот выступил на позвоночнике. Желудок сжался от тошноты. Рисунок смотрел на нее со страницы. Возникло стойкое физическое ощущение, что нарисованное лицо сейчас моргнет.

— Нет... — прошептала Кэтрин. Звук вышел жалким и надломленным.

Она вцепилась ногтями в край листа. Дернула. Звук рвущейся бумаги резанул по нервам. Она скомкала страницу. Порвала ее пополам. Потом еще раз. Она рвала бумагу с животной яростью, сминая обрывки в потных ладонях. Кусочки упали в грязную лужу у ее ботинок. Вода сразу начала размывать черные линии.

Кэтрин с силой захлопнула блокнот. Дыхание стало частым, прерывистым. Она обхватила себя руками, пытаясь унять крупную дрожь в плечах.

Она уничтожила улику. Но она знала правду.

То, что водило её рукой пять минут назад, никуда не исчезло. Оно всё ещё находилось внутри её головы.

\*\*\*\*\*

Медицинский фургон уехал. Желтую ленту сорвали. Переулок опустел ненормально быстро. Люди просто хотели обратиться оттуда. Оцепление исчезло, и осталась только тишина. Не та, что приносит покой. Это была тишина вакуума. Давящая на уши. Само пространство отторгло память о том, что здесь лежало.

Кэтрин подошла к своей машине. Дернула ручку, села внутрь. Хлопнула дверью. Щелкнул центральный замок.

Замкнутое пространство.

Она не стала пристегиваться. Просто сидела. Смотрела через лобовое стекло на грязную кирпичную стену. Грудь не двигалась. Она забыла, как дышать.

Поворот ключа. Двигатель слабо задрожал.

И включилось радио.

Сначала резкий треск статики. Потом звук, который ударил по оголенным нервам. Это не была музыка. Из динамиков вырвался смех. Искаженный, механический, пропущенный через белый шум. Высокий, истеричный, рваный. Клоунский хохот. Он вибрировал в пластике дверей. Он бил по барабанным перепонкам, заполняя весь салон.

Кэтрин резко отшатнулась. Плечо больно ударилось о стекло. Пальцы судорожно ударили по приборной панели.

— Вы издеваетесь... — голос сорвался.

Она вдавила кнопку питания. Экран магнитолы погас.

Смех оборвался. Наступила тишина.

Но она оказалась хуже. Гораздо хуже. Воздух в машине внезапно стал тяжелым и холодным. В этой абсолютной тишине затылок начало колоть. Инстинкты кричали. Возникло стойкое, физическое ощущение чужого присутствия. Будто на заднем сиденье кто-то сидит. Будто стоит ей поднять глаза на зеркало заднего вида — и она увидит там белое лицо с нарисованной улыбкой.

Тишина сводила с ума. Она убивала.

Кэтрин снова ударила по кнопке радио. Крутанула тумблер частот, сбивая настройку. Треск, шипение, обрывки фраз — и наконец четкий ритм.

*A Million on My Soul — Alexiane.*

Тяжелый бас. Человеческий голос. Понятный, земной звук.

Кэтрин шумно, со свистом выдохнула. Она вцепилась в руль обеими руками. Костяшки пальцев побелели. Она сжимала обод так, словно этот кусок кожи и пластика был единственным, что удерживало ее рассудок на месте.

Машина сорвалась с парковки. Вылетела на проспект.

За тонированными стеклами мелькали яркие вывески. Светофоры ритмично меняли цвета. Люди на тротуарах пили кофе, смотрели в телефоны, ждали автобусы. Мегаполис работал без сбоев. Никто ничего не заметил. Никто не остановился. Ничего не изменилось.

Город был абсолютно слеп. И эта слепая нормальность вы-

зывала глухую, подступающую к горлу ненависть.

\*\*\*\*\*

Двигатель выключился. Фары погасли.

Улица сразу провалилась в темноту. Уличный фонарь не горел.

Кэтрин не вышла из машины.

Она сидела ровно. Руки крепко держали руль. Пальцы затекли. Она медленно разжала их. Снова сжала. Пластик был холодным.

— Соберись, — тихо сказала она в пустоту салона.

Щелк. Дверь открылась.

Внутри дома было тихо. Ни гудения холодильника. Ни шума труб.

Она стянула ботинки прямо в коридоре. Бросила куртку на спинку стула.

В левой руке был крепко зажат блокнот.

Кухня.

Щелчок выключателя. Резкий белый свет люминесцентной лампы ударил по глазам.

Кэтрин открыла холодильник. Достала пластиковую бутылку воды.

Села за стол. Бутылка так и осталась закрытой.

Блокнот лег на столешницу.

Она открыла его. Взяла ручку.

Несколько секунд просто смотрела на белую бумагу. Синие линии.

Начала писать.

Дата. Время. Факты.

Буквы ложились ровно.

Затем кисть расслабилась. Ручка продолжила двигаться. Медленно. Круг. Резкий штрих. Точка.

Кэтрин не смотрела на лист. Она смотрела на стену перед собой.

Потом опустила глаза.

Дыхание остановилось.

На бумаге снова был он.

Человек в гриме клоуна. Широкая улыбка. Толстые черные линии. Бумага была продавлена острием ручки.

Кэтрин с силой захлопнула обложку.

— Хватит.

Встала. Стул громко скрипнул по плитке.

Она пошла по дому.

Коридор. Входная дверь. Повернула замок дважды. Дернула ручку. Закрыто.

Окна в гостиной. Опущены защелки. Задвинуты шторы.

Она проверяла физические преграды. Это давало иллюзию контроля.

Кэтрин остановилась в центре коридора.

Прислушалась.

Дом не издавал звуков жилого помещения. В нем была

только глухая пустота. Пауза.

Она вернулась на кухню.

Взяла телефон. Экран загорелся. Ноль уведомлений.

Она положила его на стол экраном вниз.

Блокнот лежал рядом. Закрытый.

Кэтрин открутила крышку бутылки. Сделала большой глоток.

Холодная вода резанула по горлу. Физическое ощущение вернуло ее в текущую секунду.

В этот момент раздался звук.

*Щелк.*

Где-то в конце темного коридора. Очень тихо.

Металлический короткий звук.

Кэтрин замерла. Вода в горле встала комом.

Она медленно повернула голову. Взгляд уперся в черный дверной проем.

Мышцы шеи свело от напряжения.

Она ждала.

Секунда. Пять. Десять.

Ничего. Только абсолютная тишина.

Кэтрин выдохнула через нос.

— Показалось.

Но ее правая рука крепко легла на черную обложку блокнота.

Она не сводила глаз с темного коридора.

\*\*\*\*\*

Дэмиан Стерлинг сидел во главе длинного стола.

Кабинет находился на пятьдесят четвёртом этаже. Вокруг только стекло и холодный металл. Белые светодиодные панели на потолке давали резкий свет. Он не оставлял теней. В этом свете нельзя было ничего скрыть.

Дэмиан не двигался.

Люди всегда совершают микроскопические движения. Они дышат, их грудная клетка поднимается. Они сглатывают слюну. Они моргают. Они переносят вес с одной стороны на другую. Их пальцы слабо подрагивают.

Дэмиан сидел абсолютно неподвижно.

Напротив него находились три человека. Они потели. Кондиционер в кабинете работал на полную мощность, поддерживая температуру ровно в девятнадцать градусов, но на лбу мужчины в сером костюме выступили мелкие капли. Он смотрел в контракт. Он читал одну и ту же строчку уже несколько минут.

Никто из троих не смотрел Дэмиану в лицо.

Они не понимали, почему им так страшно. Их инстинкты, древние и животные, кричали им о том, что в этой комнате находится хищник. Что-то, что имитирует форму человека. Они хотели подписать бумаги и уйти. Сбежать.

— Здесь... всё верно, — голос мужчины дрогнул. Он потянулся за ручкой.

Дэмиан смотрел на него. Его веки не опускались. Взгляд был ровным, ничего не выражающим. Темные глаза казались плоскими, как нарисованные.

— Подписывайте, — сказал Дэмиан.

Голос прозвучал идеально. Низкий, спокойный баритон. Правильные интонации. Но в нём не было вибрации. Звук шел словно не из голосовых связок, а транслировался из пустоты.

Мужчина быстро, почти ломая перо ручки, поставил подпись. Двое других сделали то же самое. Они встали. Стулья скрипнули по полу. Этот звук показался оглушительным в мертвой тишине кабинета. Они не попрощались. Они быстро вышли за дверь, стараясь не поворачиваться к Дэмиану спиной.

Дверь закрылась. Щелкнул магнитный замок.

Кабинет опустел.

Дэмиан остался один. Он не изменил позу. Он не расслабился, потому что ему не от чего было расслабляться. Внутри него не было напряжения. Внутри него вообще ничего не было.

Он медленно опустил взгляд на свою левую руку.

Идеально чистая кожа. Ровные ногти. Золотое обручальное кольцо на безымянном пальце. Металл тускло блеснул под белыми лампами. Дэмиан смотрел на кольцо. Это был маркер. Деталь костюма. Что-то, что помогало сливаться с фоном.

Он положил ладонь правой руки поверх левой. Пальцы сдавили кожу рядом с кольцом. Сильно. Кожа побелела. Он отпустил.

Белое пятно на коже оставалось белым слишком долго. Кровь не возвращалась. Ткань восстанавливала цвет медленно, рывками, как будто телу приходилось вспоминать, как работает кровеносная система.

В этот момент на стеклянном столе завибрировал телефон.

Звук ударил по стеклу. Резкий, механический треск.

Дэмиан медленно перевел взгляд на экран.

*Мишель.*

Он смотрел на буквы. Он обрабатывал информацию. Мишель. Жена. Дом. Ритуал.

Телефон продолжал вибрировать, медленно ползя по гладкому стеклу. Дэмиан взял его. Экран погас на долю секунды и снова загорелся.

Он нажал кнопку приема. Поднес черный пластик к уху.

— Да.

На другом конце провода была тишина. Но это была человеческая тишина. В ней слышалось сбивчивое дыхание. Шорох ткани. Страх.

— Ты сегодня вернёшься домой? — голос Мишель был тихим. Надломленным.

Она не спрашивала, во сколько он придет. Она спрашивала, придет ли он вообще. И в этом вопросе скрывалась глу-

хая, отчаянная надежда на то, что он ответит «нет». Что он не вернется. Что ей не придется снова спать с ним в одной кровати. Слушать, как он лежит в темноте с открытыми глазами и не дышит часами.

Дэмиан молчал.

Он смотрел на документы, лежащие перед ним на столе. Буквы на бумаге складывались в слова, слова в предложения.

Ему нужно было выбрать правильный ответ. Ответ, который поддерживает структуру.

— Поздно. Но вернусь.

Он сказал это ровно. Вложил в голос нужную долю усталости. Ровно столько, сколько положено уставшему человеку.

На том конце снова повисла пауза. Тяжелая, вязкая. Мишель дышала в трубку.

— Ты это каждый раз говоришь, — почти шепотом произнесла она.

В её голосе слышались слезы. Она знала. Она не могла это объяснить рационально, она бы не пошла в полицию, потому что факты говорили о том, что это её муж. Но её тело знало правду. Её инстинкты кричали ей каждый раз, когда он поворачивал ключ в замке их дома.

Дэмиан смотрел на свое отражение в темном окне кабинета.

— Я вернусь.

Он убрал телефон от уха. Нажал красную кнопку. Экран

потух.

Связь оборвалась.

Дэмиан положил телефон на стол. Он снова посмотрел на свое отражение в стекле. За окном была ночь. Чернота.

Дэмиан в отражении сидел неподвижно.

Потом Дэмиан за столом медленно наклонил голову вправо.

Его отражение в стекле повторило это движение. Но только спустя целую секунду.

Никаких эмоций не отразилось на его лице. Он просто отвернулся от окна. Взял ручку. И продолжил смотреть в пустые бумаги.

\*\*\*\*\*

Переговоры закончились. Офисное здание опустело.

Когда Дэмиан вышел через стеклянные автоматические двери, ночь уже полностью поглотила улицу. Воздух был холодным, тяжелым от запаха остывающего бетона и выхлопных газов.

Он спустился на подземную парковку.

Там стояла тишина. Гудели только желтые лампы под потолком. Их свет ложился на серый пол грязными пятнами. Машин было мало. Металл крыш тускло отражал неоновые блики. Шаги Дэмиана эхом отскакивали от бетонных стен. Ровный, механический ритм. Один удар. Второй. Третий.

Он подошел к своей машине. Черный седан сливался с тенями.

Дэмиан остановился. Правая рука опустилась в карман брюк. Пальцы нащупали холодный пластик ключа. Он вытащил его.

И тут это произошло.

\*Щелчок.\*

Это не был звук на парковке. Это не был шум города. Звук раздался внутри его головы. В самом центре черепа. Звук обрывающегося кабеля. Звук ломающегося механизма.

Тело отреагировало быстрее, чем мозг успел зафиксировать сбой.

Дэмиан не осел на землю. Он не попытался схватиться за капот машины. Он упал так, словно из него в одну секунду вытащили позвоночник. Как кукла, которой перерезали нити.

Тяжелый глухой удар.

Лицо ударилось о бетонный пол. Хрустнул нос. Кожа на скуле лопнула от удара об острый камень. Ключи со звоном отлетели в сторону.

Дэмиан лежал на животе. Лицо было вжато в грязный пол. Правая рука вывернута под неестественным углом.

Секунду ничего не происходило. Гудели желтые лампы.

Затем началась судорога.

Она не была похожа на эпилептический припадок. Человеческое тело так не двигается. Мышцы спины сократились

настолько сильно, что ткань дорогого пиджака натянулась и затрещала. Позвоночник выгнулся дугой. Ноги дернулись, каблуки ботинок с силой ударили по бетону. Пальцы на руках скрючились, царапая пол, ломая ногти.

Тело ломало само себя. Суставы хрустели. Сухожилия натягивались до предела. Рот открылся, но крика не было. Из горла вырвался только влажный, булькающий хрип.

Судорога прекратилась так же резко, как и началась.

Тело снова рухнуло на бетон. Безвольное. Мёртвое.

Прошла минута. Тишина на парковке стала плотной. Она давила на уши.

Голова Дэмиана дернулась. Медленно. Лицо повернулось в сторону.

Веки дрогнули и поползли вверх.

Глаза были белыми. Радужка закатилась. Зрачков не было видно. Только пустая, мертвая белизна белка, пронизанная лопнувшими красными капиллярами.

Дыхание остановилось. Грудь не двигалась.

Затем внутри глазных впадин что-то изменилось. Зрачки вернулись на место, но они больше не были человеческими. На дне зрачка появилась красная точка. Она расширялась. Свет. Тусклый, ржавый свет, который исходил изнутри черепа.

Грудь резко поднялась. Воздух со свистом втянулся в легкие.

Но выдоха не последовало. Дыхание не совпадало с

движением грудной клетки. Легкие работали отдельно от остального организма.

Рука, вывернутая под неестественным углом, шевельнулась. Плечевой сустав издал громкий влажный хруст и встал на место.

Дэмиан начал подниматься.

Он не опирался на руки. Он не отталкивался ногами. Его тело поднималось так, словно центр тяжести переместился за пределы физических законов. Колени разогнулись. Спина выпрямилась. С шеи на воротник белой рубашки капала кровь из разбитого носа.

Он стоял.

Желтый свет лампы падал на его лицо. Оно было неподвижным. Мышцы лица застыли.

Он стоял несколько секунд, просто глядя прямо перед собой. Он не моргал.

Затем он поднял правую руку. Медленно. Движение было резким, ступенчатым. Так двигается механизм, шестеренки которого давно не смазывали.

Пальцы дотронулись до левого запястья. Сжали его. Проверили плотность плоти.

Затем рука опустилась на пиджак. Провела по ткани.

Пальцы поднялись выше. Дотронулись до шеи. Нашупали пульс. Пульс был неровным. Слишком быстрым.

Пальцы скользнули по лицу. Дотронулись до разбитой скулы. На подушечках осталась кровь.

Он опустил руку и посмотрел на красные пятна на своих пальцах.

Тишина вокруг сгустилась. Воздух стал ледяным.

Он слегка наклонил голову набок. Хрустнули позвонки.

— Интересно...

Голос был тихим. Хриплым. Он звучал так, словно голосовые связки пересохли и покрылись пылью. Звук формировался не в горле.

Он замолчал.

Нижняя челюсть дернулась. Левый уголок губ пополз вверх. Мышцы лица сопротивлялись, но сила, которая ими управляла, была мощнее.

На лице появилась улыбка.

Она была абсолютно симметричной. Слишком широкой. Она обнажила зубы, испачканные в крови. В этой улыбке не было ни радости, ни эмоций. Это была физическая демонстрация того, как должны располагаться лицевые мышцы.

— Вот это... тело.

Слова прозвучали четче. Он учился управлять артикуляцией прямо сейчас.

Он издал звук. Короткий выдох через нос. Это должно было быть смехом. Сухой, царапающий звук прокатился по пустой парковке.

Он опустил глаза. Увидел ключи на бетоне. Наклонился. Движение было плавным. Ошибок больше не было. Тело было откалибровано. Поднял ключи. Позже, он увидел на ле-

вой руке, на безымянном пальце золотое кольцо. Он поднял бровь, усмехнулся и снял кольцо, бросив его куда подальше. Он повернулся к машине.

Нажал кнопку на брелоке. Желтые поворотники мигнули дважды. Щелкнул замок.

Он открыл дверь и сел на водительское сиденье.

Дверь с глухим стуком закрылась.

Двигатель завелся. Белые светодиодные фары вспыхнули, разрезав темноту парковки. Машина плавно сдала назад, развернулась и выехала по бетонному пандусу наверх, на улицы ночного города.

Город спал. Светофоры переключались. Мегалополис продолжал существовать в своем обычном ритме, не подозревая о том, что система дала критический сбой.

Внутри одной из машин, едущих по проспекту, сидело то, что больше не имело права называться человеком. И оно только начинало осваиваться.

\*\*\*\*\*

Лес был глухим.

Это не была та тишина, которая наступает перед дождем или ночью. Это была физическая пустота. Звук здесь не летел по воздуху. Он падал на землю и впитывался в сырой мох, исчезая навсегда. Деревья стояли слишком близко друг к другу. Стволы были черными от влаги. Кора покрыта плот-

ным слоем серого лишайника.

Машина съехала с трассы на грунтовую дорогу полчаса назад. Колеса месили грязную землю. Затем двигатель остановился. Не затих постепенно, сбавляя обороты. Он оборвался, словно кто-то перерезал провод питания.

Дэмиан открыл дверь.

Воздух снаружи был холодным. Он пах мокрой гнилью, старыми листьями и стоячей водой. Это был очень честный запах. Здесь ничего не пыталось казаться лучше, чем оно есть. Здесь всё просто медленно умирало.

Дэмиан вышел из машины. Дверь осталась открытой. Он не стал ее закрывать.

Он пошел вперед, между деревьями.

Почва под ногами была мягкой. Ветки не хрустели. Его тело двигалось идеально ровно. Плечи не раскачивались. Дыхание не сбивалось, потому что ему не нужен был кислород для поддержания шага. Лес не реагировал на него. Птицы не замолкали, потому что их здесь не было. Животные не убежали. Лес принимал его, как принимает камень, который катится с горы. Без сопротивления. Без интереса.

Чем дальше он шел, тем меньше света пробивалось сквозь плотные кроны. Небо стало узкими серыми полосами высоко вверху. Цвета исчезли. Остался только черный, серый и темно-коричневый.

Тишина становилась тяжелее. Она давила на барабанные перепонки.

Озеро появилось впереди не как логичное завершение тропы. Оно возникло как провал в пространстве. Ошибка в ландшафте.

Берег был грязным, покрытым скользкими корнями. Вода была черной. Абсолютно черной. На поверхности не было ни одной ряби. Вода стояла так ровно, что отражала серые стволы деревьев с фотографической точностью. Из-за этого казалось, что берег висит в пустоте. Мир здесь остановился.

На берегу сидел человек.

Рыбак. Старик в тяжелой брезентовой куртке. На голове надвинута вязаная шапка. Он сидел на раскладном стульчике. Рядом стоял пластиковый ящик. Удочка лежала на рогатке, уходя концом в черную воду. Поплавок застыл на месте.

Старик напевал.

Тихо. Сквозь зубы. Один и тот же простой мотив. Три ноты вверх. Две вниз. Пауза. И снова. Этот человеческий звук был здесь лишним. Он нарушал геометрию мертвого леса.

Дэмиан остановился в десяти шагах от него.

Он стоял и смотрел. Его белки были чистыми, зрачки сфокусированы на затылке старика. Дэмиан изучал его. Складки на шее. Серые волосы, выбивающиеся из-под шапки. Медленное, ритмичное движение грудной клетки под тяжелой курткой. Старик был спокойным. Слишком расслабленным. Он не чувствовал угрозы. Человеческие инстинкты дали сбой.

Дэмиан сделал шаг. Потом еще один.

Его ботинки вдавливались в сырую землю. Звуча не было.

Старик продолжал напевать. Он смотрел на чернй поплавок.

На земле, слева от стула, лежал нож. Обычнй рыбацкий нож. Деревянная ручка, потемневшая от пота и воды. Лезвие длинное, узкое, со следами засохшей рыбьей чешуи. Он лежал на грязном корне, просто забытй.

Дэмиан подошел вплотную. Он стоял прямо за спиной старика. Расстояние было меньше метра.

Старик пошевелился. Он поднял левую руку и почесал подбородок. Мотив не прервался.

Дэмиан опустил взгляд на нож.

Он медленно согнул колени. Спина оставалась прямой. Он протянул правую руку и взял нож за рукоятку.

Металл был холодным. Дерево было шершавым. Дэмиан поднялся. Он держал нож в руке, повернув лезвие к себе. Он смотрел на тусклую сталь. Он не оценивал остроту лезвия. Он оценивал физическую функцию предмета. Предмет был создан для того, чтобы разделять плоть.

Старик сделал глубокий вдох. Мотив изменился. Он собирался начать новую строчку.

Тишина вокруг стала другой. Воздух стал плотным, как вода. Старик почувствовал это. Его плечи напряглись. Песня оборвалась на полуслове. Он медленно начал поворачивать голову вправо.

Дэмиан не дал ему закончить движение.

Удар был лишен замаха. Лишен агрессии или злости. Это была просто точная кинетическая работа.

Лезвие вошло в шею старика чуть ниже правого уха. Под углом вверх и вперед.

Хрустнул хрящ. Сталь прошла сквозь мышцы, разрежала яремную вену, сонную артерию и уперлась в основание черепа.

Тело старика дернулось вперед. Руки судорожно взметнулись вверх. Стул под ним пошатнулся.

Из раны с влажным, шипящим звуком вырвалась кровь. Она ударила толстой красной струей, заливая брезентовую куртку, падая на грязную землю и черную воду.

Гладкая поверхность озера дрогнула. По воде пошли красные круги.

Старик захрипел. Воздух выходил через пробитое горло вместе с кровавой пеной. Его глаза широко раскрылись. Руки пытались схватиться за шею, но пальцы только скользили по собственной крови.

Дэмиан стоял ровно. Его рука, державшая рукоять ножа, не дрожала. Он смотрел, как старик умирает.

Смерть была быстрой, но физиологичной. Мозг терял кислород. Мышцы сокращались. Ноги забили по земле. Один ботинок ударил по пластиковому ящику. Ящик перевернулся.

Через десять секунд тело обмякло. Руки упали. Голова завалилась на грудь. Кровь продолжала толчками вытекать из

раны, но уже медленнее. Насос остановился.

Дэмиан потянул нож на себя.

Лезвие вышло с чавкающим звуком. За ним потянулся густой сгусток.

Дэмиан опустил руку с ножом вдоль туловища. С лезвия капало. Он смотрел на мертвое тело. На лице Дэмиана не было отвращения. Не было удовлетворения. Это был пустой взгляд, направленный на сломанный механизм. Мясо, кости, жидкость. Больше ничего.

Он стоял так очень долго. Тишина снова сомкнулась над озером.

Потом Дэмиан медленно наклонил голову вбок.

— Печально.

Голос был тихим. Плоским. В нем не было интонаций. Он прозвучал сухо, как треск ломающейся ветки.

— Ты так и не поймал рыбу.

Он выпустил воздух сквозь зубы. Это не был вздох сожаления. Это был просто сброс лишнего давления из легких.

Дэмиан медленно сел на корточки рядом с телом. Кровь старика уже впиталась в землю, превратив ее в густую темную грязь.

Он смотрел на лужу.

Затем он перехватил нож удобнее. Острие коснулось земли.

Дэмиан провел линию. Глубокую, вспарывая мох и гнилые листья. Затем вторую, перечеркивая первую. Движения

были грубыми, резкими. Он вырезал символ. Не букву. Не рисунок. Просто геометрическую форму. Метку.

Лезвие скребнуло по камню. Звук резанул по ушам.

Он закончил.

Знак остался в грязи, наполовину заполненный кровью.

Дэмиан встал. Он не стал вытирать нож. Он просто разжал пальцы. Нож упал в грязь рядом со знаком.

Он повернулся и пошел обратно.

Тем же ровным шагом. Левая нога. Правая нога. Идеальный ритм.

Он не оглянулся.

Лес за его спиной остался прежним. Деревья стояли так же плотно. Черная вода в озере снова стала абсолютно гладкой. Отражение неба застыло.

Только тишина теперь была другой. Она стала тяжелой, густой и мертвой. Настоящей.

## 2 Глава. Сдвиг

Кэтрин проснулась резко. Щелчок. Воздух не успел за телом. В ушах тонкий писк. Во рту привкус металла.

Потолок был слишком белым.

Она лежала на спине. В комнате кто-то есть. Не видела. Чувствовала. Давление шло из слепой зоны. Она повернула голову.

Тумбочка. Чёрный блокнот.

Последнее воспоминание: кухня, свет лампы, стакан воды, звук из коридора, будто ноготь провели по стене. Она не приносила блокнот в спальню.

Телефон завибрировал. Синий свет. «ШЕРИФ».

Она села. Пульс в затылке. Пальцы ног замёрзли, хотя батарея работала. Она взяла телефон. Экран показывал 3:47. Часы на стене показывали 9:15. Она перевела взгляд на окно. За шторой серый свет — ни утренний, ни дневной.

— Эштон.

Пауза. Дыхание. Неровное.

— Ты не спросила адрес.

Кэтрин замерла.

— Ты не спросила адрес. Ты всегда спрашивала адрес.

— Я не спросила, потому что ты его не называл.

— Да. Но ты и не спросила.

Она молчала.

— Родители четырнадцатилетнего мальчика. Пропал ночью. Патруль на месте.

— Меньше суток. Это не мой уровень.

— Я знаю. Но дом неправильный.

— Был случай. Семья Миллер.

— Закрытое дело. Мальчик сбежал. Камеры вокзала.

— Да. Камеры.

Тишина длилась дольше, чем должна была.

— Но я помню пустую комнату. И землю. Мы копали.

— Ты уже говорил это.

— Я не говорил.

Она помнила этот разговор. И одновременно не помнила, когда он случился.

— Где ты сейчас?

— Жду тебя. Но ты уже знаешь где.

— Я не знаю.

Пауза.

— Странно. В прошлый раз ты знала.

Связь оборвалась.

Она встала с кровати и подошла к зеркалу. Женщина в

отражении смотрела на неё. Её лицо. Её глаза. Морщинка у губы — та же, что вчера. Она наклонила голову вправо. Отражение наклонило голову вправо. Она подняла левую руку. Отражение подняло левую руку. С задержкой в долю секунды. Она опустила руку. Отражение опустило руку. Задержка исчезла.

Кэтрин отвернулась.

Машина ехала медленно. Город за окнами был нормальным. Аптека. Заправка. Человек с собакой. Всё на месте. Кэтрин смотрела и цеплялась за детали.

Шериф держал руль. На приборной панели стояла кружка с надписью «Лучшему папе». Он отпил, поставил обратно.

— Ты помнишь дело Миллеров?

— Закрытое. Мальчик уехал с вокзала.

— Да. Камеры.

Машина подпрыгнула на кочке. Толчок настоящий.

— Или мы выехали утром.

— Мы всегда выезжаем утром.

Он повернулся к ней.

— Что ты сказала?

Кэтрин открыла рот. Закрыла. Она не знала, почему это сказала. Слова вышли сами — как дыхание, как глотание, как то, чему не нужна команда.

Шериф смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на дорогу.

— Мы всегда выезжаем утром. Это единственное, что я знаю точно.

Он отпил кофе. Рука дрогнула. Кружка звякнула. Он больше к ней не притронулся.

Город кончился. Кэтрин не заметила перехода. Просто стало меньше звуков. Потом совсем не стало. Дорога ровная, без трещин. Обочины пустые.

— Мы уже приехали?

— Нет. Ещё десять миль.

Она посмотрела на одометр. Цифры стояли на месте.

Рация зашипела. Шериф перевернул её динамиком вниз.

— Не работает.

Из динамика шло дыхание. Медленное. Ровное. Индикатор не горел. Кэтрин смотрела на перевернутую рацию. Звук был знакомым. Она слышала его раньше. Не в этой машине. По дороге в другой дом.

Машина остановилась. Без торможения.

Дом стоял перед ними. Двухэтажный. Чёрные окна. Проваленная крыша. Земля вокруг сухая. Кэтрин смотрела на фасад. Четыре ступеньки к входу. Третья половица в коридоре скрипит сильнее остальных. Дверь в дальнюю комнату приоткрыта ровно на два дюйма. Она не помнила, откуда она это знает. Но пальцы сами сжали ручку двери машины, и она вышла наружу раньше, чем решила выйти.

— Мы здесь были.

— Нет. Миллеры на севере.

— Я помню окна. Я помню ступеньки. Их четыре.

Шериф вытер пальцы платком. Убрал платок.

— Их четыре. Я тоже помню.

— Тогда почему ты говоришь, что мы здесь не были?

— Потому что я не помню, как мы уехали. Я помню, как приезжали. Помню дом. Помню землю за домом. Но не помню, как уезжали. Ни разу.

Кэтрин пошла к дому. Воздух неподвижен. Пахло глиной.

У входа стоял патрульный. Молодой. Бледный. Та же грязь на правом ботинке. Форма пятна знакомая.

— Детектив. Мы ничего не трогали.

Он замолчал. Потом сказал:

— Вы уже заходили. Вы всегда заходите. Я стою и жду, пока вы выйдете. Но вы выходите и заходите снова.

— Ты помнишь, что было внутри?

— Нет. Я помню только, что вы всегда проходите мимо.

И я всегда говорю эту фразу. — Он посмотрел на неё. — Кроме одного раза.

— Какого?

— Один раз вы вышли и не зашли обратно. Вы сели в машину и уехали. Но я не помню, когда это было. Может быть, сейчас.

Кэтрин прошла мимо него. Дверь подалась под рукой. Внутри пахло землёй. Влажной. Раскопанной. Запах шёл из глубины.

Половицы скрипели. Третья скрипнула сильнее. Ноги шли сами. Она не думала, куда сворачивать. Тело помнило маршрут, который разум ещё не построил.

Она включила фонарь. Луч упёрся в стену. Индикатор зелёный. Она перевела руку — свет задержался, потом дёрнулся следом. Она не стала встряхивать фонарь.

Комната в конце коридора. Дверь приоткрыта на два дюйма. Кэтрин толкнула её.

Пустые стены. Пустой пол. Надпись.

## Я ВСЕГДА РЯДОМ

Она смотрела на буквы. Рука сама поднялась и провела пальцем по букве «Я». Штукатурка крошилась сухой трухой. Края борозд сглажены. Она не помнила, как прикоснулась к стене. Но палец уже был в пыли.

Фонарь погас. Медленно.

В темноте кто-то выдохнул у правого уха.

Кэтрин не развернулась. Она стояла и ждала. Дверной проём пуст. Сейчас прозвучит голос.

— ...просто техника.

Её голос. Из коридора.

Фонарь включился. Индикатор зелёный. Луч упёрся в стену.

Надпись изменилась.

## ТЫ ВСЕГДА ЗАХОДИШЬ ДАЛЬШЕ

Кэтрин смотрела на слова. Ноги уже сделали шаг к про-

ёму. Она не заметила, когда это случилось. Она всё ещё стояла и смотрела на стену, но тело было на полшага ближе к темноте.

В дальнем конце комнаты темнел проём. Оттуда тянуло землёй.

— Кэтрин!

Голос шерифа. Приглушённый.

— Что там?

— Я не знаю. Надпись другая.

— Что значит другая?

— Я прочитала одно. Теперь другое.

Пауза. Потом:

— Выходи.

— Не могу.

— Можешь. Иди на голос.

Она закрыла глаза. Сделала шаг назад.

Открыла глаза.

Она была в проёме. В узком коридоре. Фонарь горел. Надпись позади. Она не помнила, как прошла мимо неё.

— Кэтрин! Ты идёшь?

— Да.

Коридор узкий. Стены холодные и влажные. Пол бетонный. Никакого скрипа. Только тишина и запах земли. В конце будет дверь. За дверью комната. В комнате тело. Пальцы на ногах замёрзли сильнее. Она чувствовала холод сквозь подошву.

Дверь. Кэтрин толкнула её.

Мальчик. На спине. Руки вдоль тела. Ноги прямые. Одежда чистая. Губы синие. Пальцев нет. Кожа на месте суставов гладкая.

Она перевела взгляд в угол.

Пусто.

Женщины не было.

Кэтрин замерла. Она смотрела в пустой угол. Бетонный пол. Голая стена. Никаких следов. Она обернулась. Мальчик на месте. Пальцев нет. Вмятина на затылке. Всё как всегда. Кроме угла.

Она стояла и смотрела на пустое место. Тело должно быть там. Оно всегда было там. Она помнила женщину без зрачков. Помнила белую гладкость глаз. Помнила позу — на спине, руки вдоль тела. Но угол был пуст. И она не знала, что с этим делать. Ошибка в цикле. Или цикл изменился. Или она помнила то, чего не было. Или не помнила того, что было.

Она подошла к углу. Наклонилась. На бетонном полу — ничего. Ни пыли. Ни следа. Ни царапины. Как будто здесь никогда ничего не лежало.

Надпись была на стене над мальчиком.

**ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТО НЕ ПЕРВЫЙ РАЗ**

Она смотрела на буквы. Потом снова на пустой угол. Что-то было неправильно. Не так, как всегда. Она не помнила,

что значит «всегда». Но угол был пуст. И это было новым.

Она вышла из комнаты. По коридору. Мимо первой надписи. К выходу.

Шериф ждал у входа. Он курил. Дым поднимался ровно.

— Два тела. Мальчик без пальцев. Женщина без зрачков. Надпись...

Она остановилась. Женщина без зрачков. Она только что сказала это. Но женщины не было. Она видела пустой угол. Она помнила тело. Но угол был пуст.

Шериф затянулся. Выдохнул.

— Ты говорила это. Только что. И до этого.

— В комнате одно тело.

Он опустил сигарету.

— Что?

— Одно тело. Мальчик. Женщины нет. Угол пустой.

Шериф смотрел на неё. Его лицо изменилось. Не страх. Растерянность. Как у человека, который услышал слово, которого нет в языке.

— Всегда было два, — сказал он.

— Я помню.

— Но сейчас одно.

— Да.

Он бросил окурок. Затаптал. Достал платок. Вытер пальцы. Убрал платок. Достал снова. Вытер пальцы ещё раз. Убрал.

— Что-то изменилось.

— Да.

— Это плохо?

— Я не знаю.

Кэтрин села в машину. Закрывает дверь. Достала блокнот. Открыла последнюю страницу.

## ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТО НЕ ПЕРВЫЙ РАЗ

Её почерк. Почти. Буква «Ч» без петли. Буква «Т» в слове «читаешь» немного выше остальных. Как будто рука дрогнула. Она смотрела на буквы. А потом заметила то, чего не видела раньше.

Внизу страницы было ещё одно слово. Очень мелко. Как будто ручка соскользнула.

найди

Буква «й» была написана с хвостиком влево. Она никогда не писала «й» с хвостиком влево. Но почерк был её. Почти. Буква «Ч» в слове «читаешь» наверху — без петли. А буква «й» в слове «найди» — с неправильным хвостиком. Две ошибки. Разные. Как будто двое людей писали одну страницу. Или один человек, который меняется.

Она закрыла блокнот. Положила на колени. Посмотрела на руки. Пальцы ледяные. Она сжала их в кулаки. Боль. Настоящая.

Шериф сел за руль. Завёл двигатель.

— Криминалисты едут.

— Хорошо.

— Ты как?

— В комнате было одно тело. Я помню два. Но было одно.

Шериф помолчал.

— Может быть, мы уезжаем.

— Что?

— В прошлый раз ты сказала про два тела. И я ответил, что мы всегда возвращаемся. Но сейчас одно тело. Может быть, цикл ломается. Может быть, мы уезжаем по-настоящему.

Машина тронулась. Дом в зеркале становился меньше. Кэтрин смотрела на него. Он не исчезал. Просто стоял. Она открыла блокнот. Достала ручку. Хотела написать слово.

На последней странице уже была новая строка.

ТЫ НАЙДЕШЬ

Буква «й» с хвостиком влево. Чужая. Но почерк — её. Почти. И слово «ты» было написано с маленькой буквы. Она всегда писала обращения с большой. Всегда. Кроме этого раза.

Она закрыла блокнот. Положила на колени. Посмотрела на дорогу. Дорога была прямой. Она не знала, куда ведёт.

Шериф молчал. Часы на приборной панели показывали 9:15. Она посмотрела на телефон. 3:47. Два времени. Одно неправильное. Или оба.

Машина ехала. Дорога не кончалась. Кэтрин закрыла глаза. Она чувствовала, как пальцы леденеют сильнее. Она знала, что завтра утром они снова замёрзнут. И блокнот снова откроется. И там будет новая строка. Но теперь строки были другими. Сначала «найди». Потом «ты найдёшь». Это был не повтор. Это был диалог. Кто-то отвечал. Или она сама отвечала себе — та, которая писала с маленькой буквы и с хвостиком влево. Та, чей почерк становился всё более чужим. Или всё более её.

Она открыла глаза. Посмотрела в зеркало заднего вида. Дома не было. Дорога позади была пустой. Может быть, они уехали. Может быть, дом исчез. Может быть, он был впереди,

и они просто ещё не доехали.

Она положила руку на блокнот. И стала смотреть на дорогу. Пальцы всё ещё были ледяными. Машина ехала дальше. Время на часах не менялось. И тишина в машине была почти настоящей. А где-то в пустом доме надпись на стене ждала. Или не ждала. Может быть, она изменилась. Может быть, исчезла. Может быть, угол снова стал не пустым. Она не знала. Она не вернулась, чтобы проверить. Пока не вернулась.

Дорога не менялась. В этом была самая отвратительная часть — стабильность, которая вела себя как ложь.

Кэтрин держала блокнот на коленях, как будто он мог внезапно укусить. Страница внутри больше не ощущалась как бумага. Скорее как место, где кто-то оставил сообщение и ушёл, забыв закрыть дверь.

Шериф молчал слишком долго.

Это уже само по себе было нарушением правил.

— Ты видел слово «найди»? — спросила она.

Он не сразу ответил. Пауза растянулась, как резинка перед тем, как лопнуть.

— Нет, — сказал он наконец. — Там было только «ты найдёшь».

Кэтрин медленно повернула голову.

— Не было.

— Было, — он сказал это слишком спокойно. Слишком уверенно для человека, который секунду назад вытирал пальцы трижды подряд. — И раньше не было «найди». Раньше там вообще ничего не было, кроме повторения.

Он нажал на тормоз чуть сильнее, чем нужно. Машина не отреагировала сразу. Потом послушалась, будто вспоминая, как это делается.

— Ты сейчас врёшь, — сказала она.

— Я не вру, — ответил он. И это прозвучало хуже, чем если бы врал.

За окном дорога чуть дрогнула.

Не визуально. Скорее как ощущение, что мир на долю секунды перестал быть уверенным в собственной геометрии.

Кэтрин моргнула.

На приборной панели вместо 9:15 было 9:16.

Она моргнула ещё раз.

Снова 9:15.

— Ты видела? — спросил шериф.

Она не ответила сразу.

Потому что вопрос был неправильный. Вопрос задают, когда есть общая реальность. Здесь же это звучало как попытка договориться с чем-то, что уже не слушает.

— Да, — сказала она наконец.

Он кивнул, как будто это было ожидаемо.

— Это началось раньше, — сказал он. — Не дом. Не дело. Это.

Он постучал пальцем по часам.

— Время.

Кэтрин открыла блокнот снова.

Страница была чистой.

Совершенно.

Не «пустой лист». А именно чистой. Как будто на ней никогда не было букв, даже следов нажима.

Она перевернула назад.

«ТЫ НАЙДЕШЬ».

Исчезло.

Ещё назад.

«найди».

Тоже нет.

Ещё.

«ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТО НЕ ПЕРВЫЙ РАЗ».

Страница была пустая.

— Нет, — тихо сказала она.

— Что?

— Оно исчезает.

Шериф не посмотрел на неё.

— Оно не исчезает, — сказал он. — Оно перестаёт быть общим.

Машина дернулась.

Не вперёд и не назад. Скорее вбок, на уровне смысла.

Кэтрин почувствовала это телом раньше, чем мозг успел оформить.

— Что значит «не общим»? — спросила она.

Шериф наконец посмотрел на неё.

И в этот момент стало видно: он тоже изменился.

Не внешне.

Внутренне.

Как человек, который больше не уверен, что его воспоминания принадлежат ему, но всё ещё притворяется, что это нормально.

— В прошлые разы, — сказал он, — мы совпадали. Ты помнила одно, я помнил то же самое. Даже если оно было неправильным.

Он сжал руль.

— Сейчас мы начинаем расходиться.

Тишина в машине стала плотнее.

Как вода, которая вдруг решила стать воздухом и передумала на полпути.

Кэтрин снова посмотрела в блокнот.

На последней странице появилось новое слово.

Медленно.

Как будто кто-то писал его в реальном времени, прямо под её взглядом.

не смотри

Она резко закрыла блокнот.

— Ты видел это? — спросила она.

Шериф не ответил сразу.

Потом:

— Нет.

И это «нет» прозвучало честнее всего, что он говорил до этого.

Машина снова остановилась.

На этот раз без дома.

Просто дорога закончилась.

Не обрывом, не развилкой.

Просто... закончилась.

Перед ними было серое пространство без разметки, без горизонта, без перспективы. Как будто мир забыл, что должен продолжаться дальше.

Шериф выключил двигатель.

Но звук мотора не исчез сразу.

Он ещё секунду работал где-то в фоне, как эхо после того, как уже никто не кричит.

— Это не место, — сказала Кэтрин.

— Знаю, — ответил он.

Она посмотрела вперёд.

Там, где должна была быть дорога дальше, стоял дом.

Тот же.

Четыре ступеньки.

Чёрные окна.

Просевшая крыша.

Как будто он просто перестал притворяться, что находится где-то ещё.

— Мы не ехали, — сказала она.

Шериф медленно кивнул.

— Мы повторяли.

Кэтрин вышла из машины.

Воздух был знакомым.

Слишком.

Запах глины, но уже без земли.

У входа стоял патрульный.

Тот же.

Но теперь он смотрел прямо на неё, не моргая.

— Детектив, — сказал он.

И впервые фраза прозвучала не как заученная.

А как обвинение.

— Я помню только один раз, — сказал он. — Когда вы не вернулись.

Кэтрин застыла.

Шериф позади неё тихо закрыл дверь машины.

Слишком тихо.

Как будто боялся, что звук тоже может не совпасть с реальностью.

— Ты врешь, — сказала Кэтрин.

Но даже она не поняла, кому именно это адресовано.

Потому что в этот момент дом за её спиной уже начал вспоминать, как он выглядит, когда внутри кто-то всё ещё

есть.

### 3 Глава. Ты снова опоздала

Лес был одинаковым каждый раз.

Не в смысле похожим. В смысле — один и тот же. Кэтрин не могла бы доказать это в суде, не могла бы изложить в рапорте, но чувствовала каждой клеткой, которая успела устать за эти циклы. Земля под ногами вела себя так, будто уже знала её шаги — податливая там, где она оступалась в прошлый раз, твёрдая там, где она когда-то останавливалась. Мох на стволах был одного и того же оттенка не потому, что в этом лесу рос один и тот же мох, а потому что это был один и тот же мох.

Шериф стоял рядом. Пакет в перчатке. Прозрачный. Внутри — нож.

— Эштон, — сказал он. Голос звучал ровно, но в нём уже поселилась та особая усталость, которая приходит, когда человек перестаёт понимать, работает он или просто участвует в спектакле. — Я нашёл улики.

Кэтрин взяла пакет. Холод пластика прилип к пальцам, как живое существо. Нож был слишком обычный, чтобы быть честным. Деревянная рукоять, маслянистая на ощупь

даже через пластик. Рисунки по бокам — не символы, не руны, а что-то вроде зарубок, но слишком аккуратных для леса. Слишком геометрических. Слишком осмысленных.

На лезвии — кровь.

Свежая. Не успевшая почернеть.

И записка. Кэтрин развернула её. Бумага хрустнула как сухая кожа.

**«это тебе подарок, охотница».**

Она долго смотрела на слово «охотница». Не просто прочитала — дала ему осесть в сознании. Потому что она никому не представлялась здесь как охотница. Никому в этом городе. Только в участке знали её специализацию, и то — в общих чертах. Консультант по розыску. Следопыт. Никто не говорил «охотница» — это было слово из её личного дела, которое осталось в другом штате, в другой жизни, в другом цикле.

— Он играет, — сказала она.

Шериф не ответил сразу. Он смотрел не на нож, не на записку, а на неё. Взгляд был тяжёлым и каким-то оцениваю-

щим, как будто он прикидывал, сколько ещё раз она произнесёт эту фразу, прежде чем поймёт что-то, чего пока не понимает.

— Или он знает, что ты придёшь.

Она не стала уточнять, что именно он имел в виду. Но слово «придёшь» повисло между ними как вопрос, на который у неё не было ответа. Придёшь ли ты снова? Придёшь ли ты в себя? Придёшь ли ты к финалу?

Собака сделала шаг вперёд и замерла.

Просто замерла. Не села по команде, не легла, не напряглась — остановилась, как останавливается механизм, у которого закончился завод. Голова дёрнулась в сторону леса, уши поднялись так резко, что Кэтрин услышала, как они хлопнули по воздуху. Немецкая овчарка смотрела в темноту между деревьями, и в этом взгляде было что-то, чего Кэтрин никогда не видела у служебных собак.

Неуверенность.

— Она что-то чувствует, — сказал шериф.

— Она что-то знает, — поправила Кэтрин.

Собака сделала шаг назад. Один. Медленный. Лапа опустилась на землю так осторожно, как будто земля перестала быть надёжной. Кэтрин натянула поводок, но собака не рванула вперёд — она просто стояла и смотрела, и её бока поднимались слишком часто.

А потом она залаяла. Но неправильно. Не так, как лают на зверя или на человека. Это был лай, который начинается низко и заканчивается высоко, как будто собака не может решить, угроза перед ней или что-то, что она не в состоянии классифицировать. Что-то вне каталога запахов.

Кэтрин повернулась.

*Тень.*

Быстрая. Слишком человеческая, чтобы быть животным. И слишком неправильная, чтобы быть человеком. Она двигалась не как существо, которое бежит, а как изображение, которое переставляют с кадра на кадр.

Она исчезла между деревьями.

— Видел? — спросила Кэтрин.

Шериф молчал. Она повернулась к нему — он смотрел туда же, куда и она, но его зрачки были расширены так, будто он видел не просто тень, а что-то ещё, что осталось висеть в воздухе после её исчезновения.

— Нет, — сказал он.

Но голос у него был такой, будто он врёт не ей. А себе.

Темнело слишком быстро. Не как время — как сцена. Как будто кто-то выключает свет по краям леса. Сначала — деревья на периферии. Потом — озеро, которое поглотила тьма с одного берега до другого. Потом — воздух между ними, который стал плотнее и холоднее.

Кэтрин почувствовала запах. Слабый, почти на границе восприятия. Так пахнет озон после грозы. Или кровь, которая ещё не успела свернуться.

Она посмотрела на свои руки.

Они были чистыми.

Почему она ожидала увидеть на них кровь?

---

Дом был слишком тихим.

Так тихо не бывает, когда ждёшь человека. Когда ждёшь — тишина полна напряжения, она дрожит и гудит, как натянутая струна. Но в доме Мишель тишина была мёртвой — такой, какая наступает, когда всё уже случилось, а ты просто ещё не знаешь.

Она проверяла телефон каждые две минуты. Потом каждую минуту. Потом перестала считать, потому что цифры между проверками теряли смысл — они не складывались ни в какое осмысленное время. Она звонила его родителям. Потом своим. Потом снова его. Гудки были одинаковыми, как зацикленная запись.

— Он не отвечает, — сказала она в пустоту кухни.

И это прозвучало так, будто она впервые это поняла. Не услышала, не осознала — поняла на том уровне, где знание становится физическим ощущением. Холодом в животе. Тяжестью в ногах.

Полиция уже искала. Связи были подняты — не только местные, но и региональные, и даже федеральный уровень был поставлен в известность, хотя официально никто не про-

износил слово «похищение». Город начал двигаться быстрее, чем обычно: телефонные звонки, добровольцы с фонарями, чьи-то матери, которые звонили своим детям и просили вернуться домой пораньше.

Но Дэмиана не было. Нигде.

Вообще.

Как будто он не то чтобы пропал, а был убран. Удалён из реальности. И реальность ещё не заметила пустоты на его месте.

Мишель пришла в участок сама. Не потому что была сильной — потому что не могла больше сидеть в тишине. Пальцы дрожали так сильно, что ей пришлось сжать их в кулаки, когда она говорила с дежурным. Голос ломался на середине фраз, как будто слова были слишком хрупкими для того, что она пыталась ими передать.

— Он не вернулся домой.

— Последний звонок? — спросили её. Дежурный заполнял форму, но его ручка двигалась слишком медленно, как будто время в участке текло с другой скоростью.

— Он сказал «скоро». И повесил трубку.

Она повторила это три раза. Как будто от повторения оно станет менее страшным. Как будто если сказать это достаточное количество раз, реальность откликнется и исправит сама себя. Но реальность не откликалась. Она просто стояла рядом и ждала.

На третьем повторе что-то изменилось в её голосе. Она осеклась и посмотрела на дежурного так, будто только что вспомнила что-то, чего не могла помнить.

— Он сказал «скоро», — произнесла она в четвёртый раз, но теперь медленнее. — И ещё что-то. На фоне. Я не поняла тогда, а сейчас...

Она замолчала.

— Что? — спросил дежурный.

— Тишина, — сказала Мишель. — Но неправильная. Как будто он был в помещении. Но на фоне не было эха. Ничего.

Дежурный записал. Но его ручка на секунду остановилась. Потому что это была не та деталь, которую обычно сообщают свидетели. Это была деталь, которую замечают, только если

уже видели что-то подобное.

---

Собака не ошибается.

Это первое правило. Его вдальбливают на тренировках, его повторяют перед каждым поиском, его держат в голове, когда идёшь по следу, который ведёт в никуда. Второе правило — если собака ведёт, значит, ты уже опоздала. Потому что собака идёт по факту. Она не предполагает, не строит версии, не оценивает вероятность. Она идёт по тому, что уже произошло. По тому, что оставило след. По тому, что закончилось.

Немецкая овчарка шла быстро. Слишком уверенно. Слишком целенаправленно. Она не петляла, не возвращалась, не проверяла боковые тропы — она двигалась по прямой, как будто след был не запахом, а линией, начерченной на земле. Кэтрин держала поводок крепко, но собаке он был не нужен. Она бы пошла и без него. Она бы пошла даже без Кэтрин.

Шериф шёл рядом, молча. Его молчание становилось тяжелее с каждым шагом. Это было не просто молчание уставшего человека — это было молчание человека, который

смотрит на карту и понимает, что карта не совпадает с местностью.

— Он здесь был, — сказала Кэтрин.

— Кто?

Она не ответила.

Потому что она не знала, кто именно. Она знала только «что». И «что» было хуже, чем любой «кто».

Собака привела их: к офису, где Дэмиан работал последние три месяца и откуда ушёл в обед, сказав, что вернётся через час. К парковке, где его машина стояла на своём месте, запертая, с телефонным зарядником, всё ещё воткнутым в прикуриватель. К лесу — не к опушке, а сразу вглубь, туда, где тропа переставала быть тропой, а деревья начинали стоять так плотно, что солнечный свет пробивался только пятнами, и пятна эти двигались неправильно.

И дальше — туда, где дорога перестала быть дорогой. Глубже. В глухой участок леса, который не значился ни на одной карте, но при этом ощущался как место, которое кто-то уже нарисовал в голове. Как декорация, которую выстроили специально для этой сцены.

Туда, где звук начинает вести себя неправильно. Шаги звучали не тогда, когда они наступали, а с задержкой в полсекунды. Ветер шумел не в кронах, а где-то внизу, у земли. И голоса, если бы они попытались говорить, уходили бы не вперёд, а куда-то в сторону, как будто у леса были уши, и он слушал.

Озеро появилось неожиданно. Как будто лес просто раздвинулся — и вот оно, гладкое, чёрное, не двигающееся. Вода не отражала небо. Она отражала что-то другое — темноту, которая была гуще, чем темнота вокруг.

Кэтрин остановилась.

— Я уже здесь была, — сказала она.

Шериф нахмурился. Его лицо на секунду стало старым — не уставшим, а именно старым, как будто время для него пошло быстрее, чем для всех остальных.

— По делу?

— Нет.

Пауза. Такая длинная, что между ними успело пролететь

что-то холодное.

— По другому.

И она не могла объяснить «по-другому». Не могла сказать: «в прошлом цикле». Не могла сказать: «когда всё это уже было». Не могла сказать: «когда ты нашёл нож не сегодня, а три дня назад, и записка была подписана не “охотница”, а моим именем».

Собака резко остановилась. Голова дёрнулась. Уши поднялись. Лай. Резкий. Один. Потом второй. А потом — третий, и он был другим. Не предупреждающим. Не угрожающим. Он был неуверенным.

Собака повернула голову к Кэтрин. Посмотрела ей в глаза. И в этом взгляде было что-то, от чего у Кэтрин перехватило дыхание. Собака смотрела на неё так, как будто не узнавала. Как будто женщина, держащая поводок, только что перестала быть тем человеком, которого она знала. Как будто запах изменился.

— Эштон? — тихо позвал шериф.

Собака не отреагировала на его голос. Она продолжала смотреть на Кэтрин, и её хвост медленно опустился — не

между ног, не в страхе, а просто опустился, как будто она больше не была уверена, что Кэтрин — это свой.

Кэтрин медленно протянула руку. Собака отступила. Всего на шаг. Но этот шаг был громче любого лая.

— Что с ней? — спросил шериф.

Кэтрин не ответила. Она посмотрела на свою руку. Чистая. Почему она снова ожидала увидеть кровь? Почему эта мысль возвращалась к ней, как навязчивый мотив, как музыка, которую она не могла выключить? Кровь на руках. Кровь, которая не смывается между циклами. Кровь, которая остаётся, даже когда всё остальное исчезает и перезапускается.

— Она что-то чувствует, — сказал шериф.

— Нет, — сказала Кэтрин. — Она что-то знает.

И она не стала добавлять: «обо мне».

---

Мишель плакала на кухне. Мороженое таяло слишком быстро — быстрее, чем должно, как будто время специально ускорило, чтобы досадить ей. Ванильная лужица рас-

теклась по столу и капала на пол, но она не вытирала. Драма играла фоном — корейская, про любовь и реинкарнацию, она включила её три часа назад, ещё до того, как всё началось. Она не следила за сюжетом. Она просто держалась за звук, за человеческие голоса, которые говорили на языке, которого она не понимала, и поэтому они не могли сказать ничего страшного.

Звонок в дверь.

Она вскочила. Тело отреагировало быстрее сознания — ноги понесли её к двери, пока мозг ещё догонял. Она споткнулась о край ковра, ударилась плечом о косяк и даже не заметила. Пальцы скользнули по замку, она рванула дверь на себя.

Дэмиан.

Он стоял спокойно. Слишком спокойно. Как будто он не пришёл. Как будто он просто появился — возник в дверном проёме, как изображение на экране, которое загрузилось без анимации.

Мишель бросилась к нему. Обняла — сильно, до хруста в собственных рёбрах. Поцеловала — быстро, куда-то в щёку, в шею, в плечо. Запах был тот же — его запах, одеколон,

который она подарила ему на день рождения, и что-то ещё, что она всегда ассоциировала с ним. Что-то тёплое и живое.

Потом отстранилась. Посмотрела.

И начала кричать.

— Ты где был?! Тебя нет несколько недель! Несколько недель, Дэмиан! Я звонила всем! Твоя мать плачет! Полиция ищет! Где ты был?!

Он не ответил. Она ждала — оправдания, объяснения, усталой улыбки, слов «прости, я застрял, телефон сел», чего угодно. Но он просто стоял и смотрел на неё, и в его взгляде не было ничего — ни вины, ни облегчения, ни радости от встречи.

Она отступила. Ещё на шаг. Посмотрела на него внимательнее. Лицо — то же самое, каждая чёрточка на месте. Никакой усталости, хотя он должен был не спать сутки. Никакой эмоции, хотя он должен был понимать, что она пережила. Никакой жизни в привычном смысле — той микромимики, которую не замечаешь, пока она есть, и которую видишь сразу, когда она исчезает. Он просто был. И всё.

— Ты... в порядке? — спросила она уже тише. Гнев ухо-

дил, уступая место чему-то другому. Чему-то, что она пока не хотела называть.

Он не ответил. Она провела его на кухню. Сделала напиток. Ром. Виски. Лёд, который она забыла положить. Он выпил. Без реакции. Без привычного «хорошо пошло». Без гримасы от крепости. Без чего-либо.

Они смотрели фильм. Клоун-убийца на экране смеялся слишком громко — тот самый момент, где он вылезает из канализации, и Мишель всегда вздрагивала, хотя смотрела это сто раз. Сейчас она не вздрогнула. Она смотрела не на экран. Она смотрела на Дэмиана.

Он смотрел на экран. Или не на экран. Или вообще никуда.

Мишель положила голову ему на плечо. Плечо было твёрдым, как обычно. Тёплым, как обычно. И всё равно что-то было не так. Что-то на уровне ощущений — как будто под кожей у него было не тело, а что-то, что только притворялось телом.

Он чуть наклонил голову. Ухмыльнулся все тоже самой злобной.

Поздно. Слишком поздно для человека, который реагирует на ласку. Задержка была микроскопической, но она была — как у куклы, которой кукловод подал сигнал, и сигнал шёл по проводам чуть дольше, чем нужно.

Слишком правильно для монстра, который научился имитировать.

— Ты вообще скажешь хоть слово? — спросила она. Голос дрогнул. Она не хотела, чтобы он дрогнул. Он дрогнул сам.

Он медленно повернул голову. Посмотрел на неё. И не моргнул.

Глаза стали красными.

Не сразу. Не как лампочка, которую включили щелчком. Медленно, как рассвет, только вместо солнца поднималось что-то другое. Краснота проступала из глубины зрачков, растекалась по радужке, заполняла глазное яблоко до краёв. Как будто свет включили внутри. Как будто там, за глазами, была не пустота, а что-то живое и очень древнее.

Улыбка расширилась. Слишком сильно. Уголки губ пошли вверх, но неправильно — не так, как у человека. Слишком далеко. Слишком анатомически невозможно. Кожа на-

тянулась, но не порвалась — она просто растянулась, как резина, обнажая дёсны и зубы.

Клыки вышли из челюсти. Не медленно, не постепенно — рывком, так, будто им давно пора было наружу. Будто они всё время были там, спрятанные под человеческими зубами, и ждали только сигнала. Они были длиннее, чем могли бы поместиться в закрытом рту. Острее, чем любой хищник в этом лесу.

Мишель не успела закричать.

Она попыталась. Воздух вошёл в лёгкие, мышцы горла напряглись, рот открылся — и застыл. Потому что её тело поняло то, что её мозг ещё отказывался принимать: кричать было некому. Никто не услышит. Этот дом был отрезан от мира не дверями и стенами, а чем-то другим — чем-то, что пришло вместе с Дэмианом и встало по периметру.

Она отшатнулась. Упала с дивана. Поползла назад, по полу кухни, по лужице растаявшего мороженого, которая смешалась с чем-то другим — тёплым и красным. Телефон выскользнул из кармана, экран засветился — заставка с их совместной фотографией, они на пляже, она смеётся, он целует её в висок.

Дэмиан — или то, что было Дэмианом — наклонился к ней. Движение было плавным, текучим, почти танцевальным. Он не нападал. Он не бросался. Он просто оказался рядом — быстрее, чем её глаза могли отследить.

И тогда Мишель закричала.

Крик вышел не таким, как она ожидала. Не громким. Не пронзительным. Он был низким и гортанным — звук, который издаёт тело, когда понимает, что это конец. Он ударился о стены кухни и не вернулся эхом. Он просто исчез, поглощённый тишиной, которая была гуще воздуха.

На экране телевизора клоун-убийца тоже кричал, но его крик был смешным. Ненастоящим. Игрушечным. Мишель смотрела на него краем глаза, пока мир сужался до двух красных точек перед ней, и в последнюю секунду подумала: «почему он не помогает? почему никто не помогает?»

А потом она перестала думать.

---

Дэмиан пошёл мыть руки и рот. Включил воду. Холодную. Струя ударила о раковину, разлетелась брызгами по зеркалу. Он смотрел на своё отражение — оно вернулось к челове-

скому облику, обычное лицо, обычные глаза, обычный рот, который только что был совсем не обычным. Кровь смывалась медленно — она была гуще, чем должна быть, и пахла не так, как пахнет человеческая кровь.

Вибрирование телефона.

Он замер. Вода продолжала течь, наполняя раковину. Вибрация шла из комнаты — из гостиной, где на полу, в луже пролитого виски и растёкшегося шоколада, лежал телефон Мишель. Но звонил не её телефон. И не его.

Звук шёл откуда-то ещё. Из кармана Мишель, из сумки, из воздуха — трудно было понять. Телефон продолжал вибрировать, и звук этот был слишком громким, слишком настойчивым, как будто звонящий знал, что ему ответят.

Дэмиан выключил воду. Вытер руки. Медленно, почти ритуально. Вошёл в гостиную. Телефон лежал на полу, экраном вверх.

Имя на экране: «**кэтрин**».

Он поднял трубку. Не свою — её. Пальцы, минуту назад бывшие когтями, аккуратно коснулись экрана.

— Алло?

Тишина.

Но не пустая тишина линии. Населённая тишина, в которой кто-то был. Кто-то дышал. Но дыхание было неправильным. Не человеческим. Оно не ускорялось, не замедлялось, не имело естественного ритма. Оно было ровным, как метроном, и глубоким, как будто дышало существо с лёгкими гораздо больше человеческих.

— ... — пауза — ...

Кэтрин на том конце тоже молчала. Но её молчание было другим — напряжённым, живым. Она слушала. Она анализировала каждый шорох, каждый полутон, каждую микросекунду тишины.

И голос. Спокойный. Холодный. Не голос Дэмиана — голос, который использовал Дэмиана, как инструмент. Как музыкальный инструмент, который звучит правильно, но не принадлежит музыканту.

— ты снова опоздала, охотница.

Кэтрин замерла. Не физически — она стояла у озера, со-

бака всё ещё смотрела на неё с недоверием. Но внутри она замерла. Потому что слово «снова» означало то, о чём она догадывалась, но не позволяла себе думать. «Снова» означало, что это уже было. «Снова» означало, что это будет опять.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.